

Гипнотизмъ въ педагогіи.

Когда въ теченіе послѣднихъ лѣтъ гипнотическія явленія привлекли къ себѣ вниманіе большого числа ученыхъ и свѣдѣнія о нихъ стали распространяться въ публикѣ, многіе были просто испуганы. Привыкнувъ вѣрить въ то, что дѣйствія человѣка опредѣляются его личнымъ хотѣніемъ, и не замѣчая зависимости этого хотѣнія отъ внѣшнихъ причинъ, большинство людей вѣрило и вѣритъ въ настоящее время, что источникъ этого хотѣнія лежитъ внутри ихъ самихъ, въ томъ свойствѣ ихъ природы, которое принято называть свободной волей. Поэтому, когда, при изученіи гипнотическихъ явленій, даже для плохихъ наблюдателей стало очевиднымъ, что въ гипнотическомъ состояніи намѣренія, желанія и дѣйствія человѣка находятся въ тѣснѣйшей связи съ внѣшними вліяніями, что извѣстными сочетаніями этихъ внѣшнихъ вліяній можно замѣнить духовную дѣятельность человѣка,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—въ душѣ многихъ людей произошло смущеніе. Они не въ силахъ были измѣнить старыя вѣрованія,—для этого требовалось измѣненіе всего міросозерцанія,—и сочли гипнотизмъ не за одно изъ условій, обнаруживающихъ механизмъ душевной дѣятельности, но за что-то чуждое человѣку, за

какое-то насиліе надъ нимъ, и обвиняли гипнотизмъ въ томъ, что онъ отнимаетъ у человѣка свободную волю. Не зная того, что защищаютъ, многіе являются противниками новаго способа психическаго воздѣйствія на человѣка, который такъ прочно удерживаетъ за собою однажды приобрѣтенную область своего приложенія.

Боязнь утратить свободную волю была и остается пока главнымъ препятствіемъ для правильнаго отношенія къ гипнотическимъ явленіямъ и подчасъ помѣхой для его примѣненія тамъ, гдѣ онъ всего болѣе нуженъ. Всѣ остальные соображенія имѣютъ значеніе только второстепенное.

Та-же боязнь была выражена и тогда, когда зашла рѣчь о примѣненіи гипнотизма при воспитаніи дѣтей какъ во Франціи, такъ и въ Россіи и въ Германіи.

Поэтому, прежде чѣмъ излагать положеніе вопроса о примѣненіи гипнотизма въ педагогіи въ настоящее время, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ утратѣ свободной воли при гипнотизированіи вообще и у дѣтей въ частности.

Не буду входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, что такое воля и свобода воли по существу, такъ какъ это завело-бы меня далеко, затруднило-бы читателя, и ограничило-бы внѣшней стороною дѣла.

Обыкновенно, чѣмъ менѣе человѣкъ подчиняется первому впечатлѣнію, чѣмъ болѣе размышленія вноситъ онъ въ оцѣнку этого впечатлѣнія, чѣмъ сдержаннѣе онъ по отношенію къ дѣйствию и чѣмъ менѣе въ немъ прямой подражательности или слѣплого повиновенія, тѣмъ сильнѣе считается его воля.

Далѣе воля человѣка считается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ опредѣленнѣе характеръ его дѣйствій, чѣмъ яснѣе цѣль и энергичнѣе стремленіе къ цѣли.

Наконецъ, чѣмъ большее количество дѣйствій можетъ совершить человѣкъ, чѣмъ менѣе онъ стѣсняется неумѣніемъ, неспособностью, непривычкой и принуждается условіями своего организма или болѣзненными склонностями, или дурными привычками, тѣмъ свободнѣе считается его воля.

И, на оборотъ, чѣмъ быстрѣе подчиняется онъ первымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ поспѣшнѣе онъ приводитъ въ исполненіе воспринятую чужую мысль, становясь иной разъ въ противорѣчіе съ прежними дѣйствіями, чѣмъ болѣе колебаній испытываетъ онъ тамъ, гдѣ требуется дѣйствовать собственными силами, чѣмъ менѣе можетъ онъ разнообразить свою дѣятельность и чѣмъ болѣе его поступки находятся въ зависимости отъ привычекъ и наклонностей, которыя господствуютъ надъ нимъ въ ущербъ требованіямъ разсудка,—тѣмъ слабѣе воля человѣка.

Это чисто-внѣшнее опредѣленіе совершенно достаточно въ настоящую минуту. Какой психологической теоріи ни придерживается читатель, онъ можетъ согласиться съ приведенной характеристикой и дополнить ее по желанію.

Съ помощью гипнотическихъ внушеній можетъ быть ослаблено вліяніе привычки, могутъ быть внесены новыя стремленія, можетъ быть возбуждена энергія стремленій уже существующихъ. Здѣсь нѣтъ рѣшительно никакого ослабленія психической дѣятельности и совершенно нельзя отказать никакого ослабленія воли. Здѣсь—выигрышъ, а не проигрышъ. Впрочемъ принято думать, что этотъ выигрышъ пріобрѣтается на счетъ подчиненія человѣка личности гипнотизера, который сталъ господиномъ его душевной жизни. Но это вѣрно только отчасти. Вліяніе личности гипнотизера имѣетъ большое, рѣшающее значеніе при гипнотизированіи, такъ какъ въ это время человѣкъ наиболѣе воспріимчивъ именно къ этому вліянію и психическое содержаніе его измѣняется въ связи съ внушеніями, прямыми или косвенными, которыя дѣлаетъ гипнотизеръ. Но затѣмъ дѣло обстоитъ уже иначе. Въ дѣйствіе вступаетъ уже не гипнотизеръ, а измѣненное психическое содержаніе. Человѣкъ остается такимъ-же хозяиномъ своихъ духовныхъ силъ, какъ и прежде, но только распредѣленіе этихъ силъ уже другое. Правда, вліяніе гипнотизера не утрачивается совершенно, но оно вступаетъ въ силу только при непосредственной близости послѣдняго или, что гораздо рѣже, при прямыхъ

сношеніяхъ съ нимъ, въ смыслѣ полученія новыхъ внушеній. Безъ этого вліяетъ вовсе не личность гипнотизера, а то, что онъ внесъ въ душу человѣка. Гипнотизеръ можетъ исчезнуть, можетъ умереть, но произведенное имъ измѣненіе психическаго содержанія, какова-бы ни была дальнѣйшая судьба этого измѣненія, зависящая отъ борьбы разныхъ вліяній, оставитъ въ душѣ свой слѣдъ надолго, нерѣдко навсегда.

Слѣдовательно вопросъ не въ гипнотизерѣ и не въ той связи, которая можетъ установиться между нимъ и гипнотизируемымъ, а въ томъ вліяніи, которое онъ окажетъ. И если это вліяніе будетъ въ смыслѣ улучшенія человѣка, въ смыслѣ уничтоженія дурныхъ привычекъ, въ смыслѣ развитія хорошихъ стремленій и въ смыслѣ увеличенія энергіи этихъ стремленій, — воля человѣка станетъ только сильнѣе. Такъ и бываетъ дѣйствительно и, при достаточномъ знакомствѣ съ гипнотическими явленіями, можно имѣть взглядъ только прямо противоположный распространенному, именно что гипнотизмъ укрѣпляетъ волю.

Но, конечно, возможно и обратное. Съ помощью того-же гипнотическаго вліянія можетъ быть ослаблена и нарушена правильная дѣятельность человѣка, посредствомъ внушенія могутъ быть внесены препятствія для правильнаго обнаруженія стремленій, что выразится нерѣшительностью, колебаніемъ, т.-е. воля будетъ ослаблена.

Понятно, что это будетъ зависѣть отъ того, какъ направлено вліяніе, и если оно направлено въ дурную сторону, то, конечно, принесетъ вредъ, — если, въ лучшемъ случаѣ, не останется безразличнымъ. Но отъ гипнотическаго состоянія собственно вредное вліяніе не будетъ зависѣть нисколько.

То-же надо сказать и относительно вреднаго вліянія на нервную систему вообще. Безпрестанно высказываются съ разныхъ сторонъ опасенія, что гипнозъ разстраиваетъ нервную систему, порождаетъ истерію и проч. Такія опасенія основываются нерѣдко на взглядахъ лицъ весьма авторитетныхъ въ медицинѣ.

Но въ настоящее время нѣтъ не только доказательствъ, но даже опредѣленныхъ указаній на вредное вліяніе гипноза. Не слѣдуетъ смущаться многочисленными описаніями вредныхъ послѣдствій гипнотизированія. Этотъ вредъ происходитъ отъ неумѣнья и невѣжества гипнотизеровъ и зависитъ отъ внушеній, а не есть послѣдствіе гипнотическаго состоянія, и случаи появленія разныхъ припадковъ, расстройства настроенія, бессонницы, головной боли и пр. показываютъ только, что нужно съ осторожностью выбирать лицо, которому можно довѣрить примѣненіе гипнотизма *). Такимъ лицомъ можетъ быть только врачъ, такъ какъ только онъ, въ силу своей профессіи и въ силу прямого требованія закона, отвѣчаетъ за всякій вредъ, причиненный его дѣйствіями, и прежде всего стремится избѣжать этого вреда, — и притомъ врачъ специально подготовленный. Гдѣ гипнотизмъ примѣнялся при соблюденіи этихъ условій, никогда нельзя указать никакого вреда и даже съ самыми большими натяжками говорить объ ослабленіи воли.

Что касается дѣтей, то у нихъ нерѣдко можно обходиться, какъ читатель увидитъ ниже, даже безъ гипнотизированія и довольствоваться только внушеніями въ состояніи бодрствованія. Мнѣ приходилось видѣть дѣтей, которыхъ даже не удавалось привести въ гипнотическое состояніе, что вообще бываетъ рѣдко, и, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ сдѣланнаго внушенія исчезали тяжелые нервные припадки.

Слѣдовательно, для дѣтей гипнозъ даже не всегда нуженъ, чтобы они воспринимали внушенія, и, значить, не остается мѣста и для тѣхъ опасеній, которыя мы изложили.

Упомянуть объ этихъ обстоятельствахъ я считалъ необходимымъ, прежде чѣмъ перейти къ изложенію полученныхъ результатовъ и возбужденныхъ сомнѣній, такъ какъ читатель теперь съ меньшимъ предубѣжденіемъ и, слѣдовательно, съ бѣльшимъ вниманіемъ отнесется къ послѣдующему описанію.

---

*) Подробнѣе объ этомъ см. Токарскаго: „Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. СПб. 1889.“

Еще въ 1857 году, какъ на это указалъ Льебо, д-ръ Дюранъ де-Гро *) писалъ, что „гипнотизмъ даетъ основанія для интеллектуальной и нравственной ортопедіи, которая, конечно, со временемъ будетъ введена въ школахъ и исправительныхъ заведеніяхъ“.

Въ 1873 году Льебо приводилъ случай, описанный Шарпиньономъ**), гдѣ проститутка подъ вліяніемъ внушенія отказалась отъ своей унижительной профессіи.

Затѣмъ до 1886 года были описаны слѣдующіе случаи:

Въ одномъ изъ нихъ опытъ былъ произведенъ случайно. На совѣтъ былъ приведенъ ребенокъ, страдавшій нервной болѣзью, который не позволялъ себя гипнотизировать. Его братъ, крѣпкій и здоровый школьникъ, находившійся тамъ, предложилъ усыпить себя, чтобы показать, что онъ не боится. Пока онъ спалъ, мать рассказала, что онъ всегда былъ послѣднимъ въ классѣ, потому что упорно отказывался работать. Льебо воспользовался его сномъ, чтобы внушить ему болѣе прилежанія и усердія въ работѣ. Въ продолженіе шести недѣль онъ служилъ примѣромъ усидчивости и необыкновеннаго усердія, такъ что два раза былъ первымъ въ своемъ классѣ.

Въ другомъ случаѣ дѣло касалось одного идиота, который былъ приведенъ къ врачу для совѣта по поводу недержанія мочи. До того времени этотъ больной совершенно не былъ способенъ къ интеллектуальному развитію. Нельзя было научить его ни читать, ни писать. Льебо много разъ гипнотизировалъ его и старался развить у него способность вниманія, которой совершенно не было. Черезъ два мѣсяца больной научился читать и зналъ четыре правила ариѳметики.

Затѣмъ д-ръ А. Вуазень***) достигъ того, что одна дѣвушка, находившаяся въ Сальпетриерѣ, вслѣдствіе заболѣванія истерическимъ психозомъ маниакальнаго характера, Жанна Ш.,

---

*) Durand (de Gros): Cours de Braidisme. Paris 1857.

**) Charpignon: Physiologie du Magnétisme.

***) A. Voisin: Revue de l'hypnotisme. 1886, p. 4.

22 лѣтъ,—воровка, проститутка, грубая, нечистоплотная, лѣнивая и неисправимая,—послѣ гипнотизированія и внушеній стала послушной, честной, трудолюбивой и чистоплотной. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она не хотѣла прочесть ни одной строчки; Буазень внушилъ ей выучить наизусть нѣсколько страницъ изъ книги нравственнаго содержанія и заставилъ ее произнести ихъ передъ своими слушателями. Ему удалось также возбудить въ ней нѣкоторыя чувства. Излѣченіе было стойкимъ, такъ что Жанна могла занять мѣсто служанки въ одной изъ больницъ, гдѣ поведеніе ея безупречно.

Въ другомъ случаѣ получился также успѣхъ: одна дама, характера невыносимаго, стала покойной, нѣжной къ мужу и избавилась отъ приступовъ гнѣва.

Въ 1883 году на возможность примѣненія гипнотическаго внушенія съ педагогическою цѣлью указывалъ также Гюйо, который, впрочемъ, придавая большое значеніе вліянію внушеній на взрослыхъ, высказывалъ нѣкоторое сомнѣніе относительно примѣненія ихъ у дѣтей. „Можно спросить,—говорилъ онъ по этому поводу,—не лучше-ли оставить ребенка лѣниться, чѣмъ сдѣлать его невропатичнымъ“ *).

Таковъ былъ матеріаль, на основаніи котораго Берильонъ *) возбудилъ вопросъ объ исправленіи нравственныхъ свойствъ дѣтей посредствомъ гипнотизма на конгрессѣ въ Нанси въ 1886 году.

У дѣтей просто лѣнивыхъ, неспособныхъ или посредственныхъ онъ предлагалъ ограничиваться только внушеніями въ состояніи бодрствованія. Для того, чтобы они были болѣе дѣйствительны, было-бы полезно, по его мнѣнію, поступать такъ, какъ поступалъ Льебо: ребенку слѣдуетъ внушить довѣріе, изолировать его, положить ему руку на голову и дѣлать желательныя внушенія мягко, съ точностью и терпѣніемъ.

---

*) Ср. M. Guyau: Education et hérédité. Paris 1889.

***) Bérillon: De la suggestion envisagée au point de vue pédagogique. Revue de l'hypn. 1886, p. 84.

По отношенію-же къ дѣтямъ порочнымъ, упрямымъ, неспособнымъ къ малѣйшему вниманію и прилежанію, обнаруживающимъ неудержимое стремленіе къ дурнымъ инстинктамъ, слѣдовало-бы примѣнять гипнотизмъ, съ цѣлью сдѣлать внушенія болѣе сильными.

Во время преній Льежуа предложилъ конгрессу выразить желаніе, чтобы опыты гипнотическаго внушенія съ цѣлью исправленія и воспитанія были произведены надъ нѣкоторыми учениками низшихъ школъ, болѣе или менѣе дурными. Предложеніе Льежуа было принято всѣми членами, за исключеніемъ одного. Это былъ Блюмъ, профессоръ философіи, высказавшій опасеніе, что будетъ нарушена нравственная свобода ребенка, который затѣмъ, послѣ гипнотизированія, будетъ болѣе доступенъ не только хорошимъ, но и дурнымъ вліяніямъ.

Свой взглядъ Блюмъ развилъ впоследствии и подробнѣе *).

Онъ находилъ, что не слѣдуетъ смѣшивать дѣтей больныхъ и дѣтей порочныхъ. Если для больныхъ гипнотизмъ можетъ быть полезенъ, то для лѣнивыхъ, злыхъ, порочныхъ нуженъ не врачъ, а педагогъ. Гипнотизмъ еще не извѣстенъ по своей сущности и потому еще нельзя примѣнять его. Гипнотизированный ребенокъ становится вещью въ рукахъ того, кто его гипнотизируетъ, и если гипнотизеръ дурной человѣкъ, или станетъ таковымъ, ребенку можетъ быть сдѣлано дурное внушеніе. Блюмъ говоритъ, что видѣлъ ребенка, котораго лѣчили такимъ образомъ; въ результатѣ онъ утратилъ много своей прежней энергіи; его память ослабѣла; апатичный и какъ-бы оглупѣлый, онъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторую энергію только когда боялся прихода магнетизера. Такимъ образомъ онъ жилъ въ постоянномъ страхѣ. Наконецъ, можно бояться, что примѣненіе гипнотизма обусловитъ серіозныя вредныя послѣдствія. Гипнотизмъ уничтожаетъ свободную волю и является поэтому

---

*) Blum: Hypnotisme et pédagogie. La critique philosophique. Oct. 1886.

средствомъ безнравственнымъ. Примѣнять гипнотизмъ въ педагогiи, значитъ смѣшивать воспитанiе съ дрессировкой.

„Вашему гипнотизированному ребенку, — писалъ онъ, — принужденному силой внушенiя подчиниться дисциплинѣ, но не имѣющему болѣе свойствъ человѣческой личности, я предпочитаю ребенка-вора, который, искупивъ свой проступокъ, можетъ исправиться, такъ какъ онъ остается нравственной личностью. Въ концѣ концовъ человѣкъ даже порочный все-таки лучше ученой собаки, хотя-бы она была самой послушной и самой гипнотизированной изъ всѣхъ собакъ“. „Порокъ можетъ быть будетъ уничтоженъ, но и ребенокъ тоже: вы сдѣлаете намъ маленькую обезьяну“.

„Нѣтъ надобности въ гипнотизмѣ, чтобы вести разумъ къ свѣту истины и волю къ добру: чтобы воспитывать душу, надо имѣть душу. Нужно притомъ знать самого себя, по словамъ Сократа—первѣйшаго изъ педагоговъ“.

Мы не будемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣнiе этого мнѣнiя. Оно представляетъ собою сумму тѣхъ доводовъ, которые приводятся противниками гипнотизма. Всѣ эти доводы вытекаютъ изъ предположенiй, — иногда изъ принципиальныхъ теоретическихъ положенiй. Такъ Блюмъ настолько дорожить ученiемъ о свободной волѣ, что готовъ принести ему въ жертву ребенка, котораго предпочитаетъ видѣть воромъ, заключеннымъ въ исправительное заведенiе, только-бы не нарушить какъ-нибудь его свободную волю. Мы ограничимся сказаннымъ по этому поводу въ началѣ статьи.

Послѣ статьи Блюма была напечатана статья Бернгейма *), въ которой онъ выясняетъ совершенную безвредность гипнотизированiя, и статьи Ладама **), который стремился доказать, что было-бы непростительно оставлять громадное число вырождающихся дѣтей, съ разнаго рода нравственными недостатками, и не сдѣлать попытки исправить ихъ посредствомъ гипнотизма.

---

*) Bernheim: De la suggestion envisagée au point de vue pédagogique. Revue de l'hypn. 1887, p. 129.

***) Ladame: Revue de l'hypn. 1887, p. 332 et 361.

Въ послѣднее время д-ръ Виреніусъ *) также высказался противъ примѣненія гипнотизма для исправленія дѣтей. Онъ также находитъ его вреднымъ, даже опаснымъ, бесполезнымъ и нарушающимъ нравственную свободу ребенка.

Пока вопросъ еще недостаточно изученъ, пока фактовъ еще недостаточно для того, чтобы они стали извѣстны и неоспоримы, будутъ еще не одинъ разъ высказываться опасенія, подобныя приведеннымъ. Они вполне законны, хотя и не всегда основательны, и, до извѣстной степени, даже полезны, такъ какъ заставляютъ изслѣдователей быть строже и внимательнѣе въ своихъ выводахъ, но не они, конечно, приведутъ къ рѣшенію вопроса. Это рѣшеніе дастъ только дальнѣйшее изслѣдованіе, которое не остановится не достигнувъ цѣли, потому что остановить его можетъ только очевидность.

На конгрессѣ въ Тулузѣ въ 1887 году и въ Оранѣ въ томъ-же году Берильонъ снова обращалъ вниманіе на необходимость опытовъ въ этомъ направленіи **).

Подъ вліяніемъ приводимыхъ въ литературѣ указаній, Феликсъ Геманъ ***), членъ высшаго совѣта народнаго просвѣщенія, обратился въ концѣ 1886 года къ префекту полиціи съ просьбой о разрѣшеніи гипнотизировать нѣкоторыхъ изъ преступныхъ арестованныхъ дѣтей.

„Мы вмѣшаемъ только тогда,—писалъ онъ по этому поводу,—когда педагогъ признаетъ себя безсильнымъ. Тогда мы попросимъ врача погрузить неисправимое существо въ сонъ, чтобы мы могли ему сдѣлать внушеніе. Если администрація благопріятно приметъ наше ходатайство, мы будемъ поступать слѣдующимъ образомъ: ребенка приводятъ въ комнату, гдѣ находится директоръ учрежденія, врачъ и мы. Врачъ и педагогъ дополняютъ другъ друга. Нѣтъ препятствій къ тому, чтобы внушеніе производилось каждымъ изъ

---

*) А. Виреніусъ: Гипнотизмъ въ дѣлѣ воспитанія. «Женское образованіе» 1890. Февраль.

**) Revue de l'hypnotisme 1887, p. 169.

***) Félix Hémet: Hygiène et médecine morale. Rev. de l'hypn. T. I, p. 163.

нихъ послѣдовательно или попеременно. Можно надѣяться, что ребенокъ легко будетъ загипнотизированъ. Тогда онъ будетъ находиться въ условіяхъ благопріятныхъ для того, чтобы подчинить его вліянію воспитателя. Произведенный сонъ ослабляетъ волю, лишаетъ умъ сопротивленія, дѣлаетъ его способнымъ повиноваться тому, кто говоритъ. Во время бодрствованія неисправленное, но не неисправимое, дитя владѣетъ всей своей энергіей для сопротивленія и успѣшной борьбы съ тѣмъ, кто хочетъ укротить его: въ гипнотическомъ состояніи это самое дитя находится въ невозможности сопротивляться. Оно почти безъ воли, безъ силы, безъ энергіи. Словомъ, чтобы побѣдить его, мы его обезоруживаемъ. Такимъ образомъ способы, которые мы хотимъ употребить, не отличаются отъ обыкновенныхъ способовъ воспитанія ничѣмъ, кромѣ интенсивности. Воспитатель напрасно старался покорить буйную натуру. Предпріятіе казалось выше силъ человѣческихъ. Онъ отрекся, скорбя, что не могъ спасти эту душу. Мы даемъ ему новое оружіе для битвы. Мы даемъ ему врага на половину сокрушеннаго, онъ можетъ продолжать свою работу и, однимъ ударомъ отрывая несчастнаго отъ порока, онъ увеличитъ сумму блага и уменьшитъ сумму зла на свѣтѣ“.

Префектъ передалъ заявленіе министру внутреннихъ дѣлъ. Отвѣта нѣтъ до сихъ поръ и едва-ли онъ будетъ полученъ. Было слишкомъ преждевременно искать вмѣшательства государства, пока вопросъ не только не былъ рѣшенъ, но даже не былъ вполне выясненъ. Соображенія, приводимыя Геманомъ, данныя наблюденія и заключенія врачей давали право только на то, чтобы поставить вопросъ, чтобы оправдать дальнѣйшіе опыты въ указанномъ направленіи,—не больше.

Почти въ такомъ-же положеніи находится дѣло и теперь, и я хочу поддержать это право и напомнить о существованіи способа исправленія дѣтей посредствомъ медицинскаго вмѣшательства, не только по отношенію къ тѣлеснымъ недостаткамъ, что практиковалось всегда, но и по отноше-

нію къ аномаліямъ душевной жизни, происходящимъ какъ отъ недостатка правильнаго воспитанія въ семьѣ, такъ и отъ дурныхъ свойствъ характера.

Съ того времени были опубликованы слѣдующія наблюденія:

I. Дѣвочка 9½ лѣтъ, изъ здоровой семьи, нормально сложенная и развитая, съ 7-ми лѣтъ пріобрѣла привычку заниматься онанизмомъ, пользуясь для этого то рукой, то трениемъ о край стула, то накладываніемъ одной ноги на другую. Кромѣ того ребенокъ былъ раздражителенъ, золь, обнаруживалъ нѣкоторую склонность къ воровству. Уже послѣ перваго сеанса дѣвочка исправилась. Всѣхъ сеансовъ было сдѣлано 5. Дальнѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ (Буазень)*).

II. Дѣвочка 11-ти лѣтъ. Съ 2-хъ занимается онанизмомъ; ее нельзя оставлять одну и на ночь надо привязывать руки. Никогда не говоритъ правды и, кромѣ того, боится оставаться одна въ комнатѣ. Первый разъ была усыплена 24-го декабря 1886 г.; внушеніе не сдѣлано. Затѣмъ 15-го января 1887 г.: сонъ не глубокій, расслабленное состояніе мышцъ, анальгезія. Внушеніе вызываетъ неудовольствіе и отрицательную мимику. Послѣ пробужденія помнитъ все, что ей было сказано. Дурныя привычки продолжались и только послѣ 4 сеансовъ, 20 февраля, мать сказала, что дѣвочка трогала себя только 2 раза въ теченіе послѣдней недѣли. Гипнотизированіе продолжалось, повторяясь черезъ каждые 15 дней, и 2 іюня, по словамъ матери, онанизмъ и ложь прекратились. Дитя боялось еще оставаться одно въ комнатѣ и гипнотизированіе продолжалось до 5 августа, когда можно было считать излѣченіе полнымъ (Буазень).

III. Неудержимое стремленіе къ воровству, ко лжи и беспорядочности у молодой дѣвушки 16 лѣтъ. Она вполне отдавала себѣ отчетъ въ нравственной перемѣнѣ, происшедшей въ ней вслѣдствіе внушенія. Она обнаруживала нѣко-

---

*) A. Voisin: Rev. d. Phypn. T. II, p. 151.

тору ю гордость по поводу того, что имѣла силу противо-
дѣйствовать своимъ дурнымъ инстинктамъ. Лѣчение про-
должалось мѣсяць, по одному сеансу въ недѣлю. Резуль-
татъ былъ прочный и родители, которые должны были уда-
лить отъ себя дочь, такъ какъ она подавала дурной при-
мѣръ другимъ дѣтямъ, могли взять ее опять къ себѣ (Бе-
рильонъ *).

IV. Укоренившіяся привычки къ онанизму у нѣсколькихъ
дѣтей (Берильонъ).

V. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ внушеніе съ успѣхомъ при-
мѣнялось для возбужденія и развитія способности вниманія
и прилежанія у учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній,
которымъ угрожало удаленіе изъ заведеній (Берильонъ).

Берильонъ не даетъ подробнаго описанія этихъ случаевъ,
что было-бы чрезвычайно важно, какъ читатель увидитъ
ниже. Поэтому ихъ можно только отмѣтить, не придавая
имъ вполнѣ опредѣленнаго положительнаго значенія.

VI. 25 ноября 1887 года былъ приведенъ въ Сальпетриеръ
мальчикъ 9 лѣтъ съ жалобой на привычку его къ онанизму
въ продолженіе 3½ лѣтъ. Онъ происходилъ изъ невропа-
тической семьи (бабушка со стороны отца страдала эпи-
лептическими припадками, отецъ очень нервный, мать ис-
теричная). Въ раннемъ дѣтствѣ ребенокъ перенесъ холе-
рину, въ 3 года корь, въ 5 лѣтъ оспу. Развивался правиль-
но. Въ 7½ лѣтъ онъ умѣлъ читать и писать. Въ школѣ счи-
тался умнымъ, но лѣнивымъ и склоннымъ ко лжи. Лицо ум-
ное, черты правильныя, блѣденъ, подъ глазами синева. Худъ,
но костная и мышечная системы развиты правильно. Ника-
кихъ пороковъ развитія не замѣчено. Зрачки расширены.
Чувствительность, общая и специальныхъ чувствъ, нормаль-
на. Въ сердцѣ легкій шумъ. Ребенокъ говоритъ, что иногда
бываютъ сердцебиенія. Сонъ покойный, по временамъ онъ
просыпается съ растеряннымъ видомъ. Привычка къ она-

---

*) Revue de l'hypn. T. II, p. 176.

низму развилась вслѣдствіе подражанія въ школѣ. 26-го ноября ребенокъ усыпленъ фиксаціей въ теченіе 2 минутъ. Во время сна полная анестезія и каталептоидныя явленія. На вопросы не отвѣчаетъ. Внушенія встать, ходить, писать, лечь исполняетъ вполнѣ точно. Сдѣланы нужныя внушенія. Послѣ пробужденія полная амнезія по отношенію къ происходившему во время сна. 29 ноября ребенокъ приведенъ вновь. Онанированіе не было замѣчено. Внушеніе повторено. 19-го марта мать сообщила, что покинутая привычка не возвращалась (Буазень).

VII.—8 окт. 1885. Мальчикъ 8 лѣтъ. Хорошее здоровье. Нѣтъ способности учиться, нѣтъ добрыхъ желаній, плохое сужденіе, дѣлаетъ глупые вопросы, кричитъ изъ-за пустяковъ и проч. Послѣ 4 или 5 разъ усыпленія онъ обнаруживалъ болѣе добрыхъ желаній и не кричалъ болѣе. Дальнѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ (Льебо *).

VIII.—17 окт. Дѣвочка 8 лѣтъ. Мастурбируетъ съ ранняго дѣтства. Въ теченіе 2 послѣднихъ лѣтъ мочится въ постель. Тупа и учится съ трудомъ. 3 сеанса внушеній въ состояніи сомнамбулизма произвели полную перемѣну (Льебо).

IX.—27 окт. Мальчикъ 8 лѣтъ. Каждый день мочится въ постель, сосетъ свои пальцы, тупъ и учится съ трудомъ. Одинъ разъ приведенъ въ состояніе глубокаго сна и 2 раза въ состояніе сомнамбулизма. Въ результатѣ получилось излѣченіе и большое развитіе интеллектуальныхъ способностей. 2 года спустя сообщали, что въ немъ не замѣчалось разницы съ остальными товарищами въ школѣ (Льебо).

X.—31 окт. Мальчикъ 12 лѣтъ. Здоровье хорошее, но разсѣянъ и страдаетъ недостаткомъ увѣренности, когда его спрашиваютъ. 2—3 сеанса внушенія въ состояніи глубокаго сна сдѣлали его болѣе внимательнымъ (Льебо).

XI.—4 февр. 1886. Мальчикъ 15 лѣтъ. Хорошее здоровье.

---

*) Liébeault: Revue. d.. l'hypn. 1889, № 1.

Съ 7 лѣтняго возраста сталъ лѣнивъ, не имѣлъ охоты къ труду и сталъ очень боязливъ. Кромѣ того онъ часто высовываетъ языкъ изо рта и сосетъ его. Нѣсколько сеансовъ внушенія въ состояннн глубокаго сна произвели хорошей результатъ и, спустя долгое время послѣ лѣченія, Льебо узналъ, что ребенокъ совершенно измѣнился (Льебо).

XII.—16 февр. Мальчикъ 15 лѣтъ. Всегда возбужденъ и кричитъ изъ-за пустяковъ. Очень боязливъ. Когда онъ пугается, то теряетъ самообладаніе до такой степени, что могъ-бы броситься въ окно и проч., еслибы за нимъ не смотрѣли. 3—4 сеанса внушенія въ состояннн сомнамбулизма успокоили его и уничтожили расположеніе къ пугливости. 22 мая отмѣчено, что у ребенка появлялось еще по временамъ психическое возбужденіе, но въ гораздо меньшей степени (Льебо).

XIII.—13 іюня. Мальчикъ 23 мѣсяцевъ. По временамъ поносъ, не спитъ почти совсѣмъ, плачетъ почти непрерывно и съ ожесточеніемъ, и раздражается до того, что синѣетъ. Своими криками онъ мѣшаетъ спать не только своимъ родителямъ, но и сосѣдямъ, съ того времени какъ существуетъ на свѣтѣ. 10 сеансовъ накладыванія руки на голову и на животъ въ бодрственномъ состояннн произвели полную перемѣну въ его характерѣ, которая оказалась стойкой (Льебо).

XIV.—Мальчикъ 14 мѣсяцевъ, приведенъ вмѣстѣ съ предъидущимъ. У него также поносъ, но болѣе постоянный. Какъ и тотъ, онъ почти не спитъ отъ рожденія, постоянно кричитъ и страдаетъ приступами неудержимаго гнѣва. Послѣ 5—6 сеансовъ накладыванія рукъ онъ исправился во всѣхъ отношеніяхъ и съ того времени о немъ были нѣсколько разъ хорошія извѣстія.

Накладываніе руки, по мнѣнію Льебо, есть не что иное какъ косвенное внушеніе. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ вопросѣ, имѣющемъ по отношенію къ при-

мѣненію гипнотизма только второстепенное значеніе, хотя фактъ требуетъ другого объясненія.

XV.—14 сент. К. дѣвушка 19 лѣтъ. Съ ранней молодости очень большая робость даже по отношенію къ лицамъ знакомымъ. Она не можетъ противостоятъ нѣкоторымъ внушеніямъ, которыя она себѣ дѣлаетъ: если, наприм., у нея явится мысль, что она смутится, то она теряется; или если ей кажется, что она не въ состояніи будетъ говорить, то она остается нѣмой. 7 сеансовъ, какъ легкаго, такъ и глубокаго сна, не произвели никакого улучшенія, потому что, какъ предполагаетъ Льебо, внушенія, которыя она дѣлала постоянно себѣ сама, преобладали надъ тѣми, которыя ей дѣлались во время сна. „Не достигъ-ли-бы я успѣха,—говоритъ Льебо,—еслибы она была маленькой?“

Въ этомъ можно сомнѣваться. Краткое описаніе Льебо даетъ скорѣе только намекъ, чѣмъ прямое указаніе на психическое состояніе К., и можно предположить въ данномъ случаѣ хроническое слабоуміе, которое начинаетъ иногда развиваться съ очень молодыхъ лѣтъ, съ періода наступленія зрѣлости, иногда нѣсколько раньше. Не всегда родители могутъ отмѣтить уже въ раннемъ возрастѣ признаки вырожденія. Дѣти развиваются и растутъ повидимому вполне правильно, учатся такъ-же хорошо, какъ другія.

Аномаліи характера, жестокость, злобная раздражительность, отсутствіе привязанностей обыкновенно просматриваются, и когда, черезъ нѣкоторое время, въ 12—15 лѣтъ, начинаютъ проявляться рѣзко выраженные странности, стремленіе къ уединенію, дикость, своеобразныя привычки, колебанія настроенія, это обыкновенно приписываютъ случайности, и только когда наступаютъ рѣзкія проявленія аффективнаго состоянія, родители обращаются къ врачу съ объясненіемъ, что болѣзнь началась 2—3 недѣли, или, въ лучшихъ случаяхъ, 2—3 года тому назадъ.

Обыкновенно въ возрастѣ 15—20 лѣтъ такіе дегенеративные субъекты представляютъ уже рѣзкіе признаки слабоумія, которое относится къ числу неизлѣчимыхъ, такъ какъ

обусловливается стойкими органическими измѣненіями, которыя, пожалуй, можно характеризовать какъ преждевременное старчество, дряхлость мозга. Здѣсь можетъ быть рѣчь не о внушеніяхъ, которыя дѣлаютъ себѣ такіе больные, но о навязчивыхъ идеяхъ, обусловленныхъ органическими аномаліями. Ожидать чего-либо отъ внушеній въ дѣтскомъ возрастѣ едва-ли возможно, такъ какъ они, конечно, не въ состояніи предотвратить упадокъ умственной дѣятельности и къ тому-же въ дѣтствѣ никакъ нельзя предвидѣть тѣхъ идей, которыя будутъ господствовать позже.

Впрочемъ и въ такихъ случаяхъ гипнотизированіе не всегда совершенно бесплодно. У одной дѣвушки именно съ хроническимъ слабоуміемъ, робкой, какъ и больная Льебо, нелюдимой, съ привычками странными и неудобными, какъ, наприм., привычка всегда обѣдать послѣ другихъ и притомъ всегда въ своей комнатѣ, привычка всегда садиться въ концѣ стола, молчаніе на вопросъ незнакомаго человѣка, смотрѣніе въ сторону во время разговора и проч., мнѣ удалось, при слабой степени гипнотическаго состоянія, добиться послѣ нѣсколькихъ сеансовъ нѣкотораго ничтожнаго улучшенія. Она стала иногда обѣдать вмѣстѣ съ родными, разговаривала болѣе охотно съ знакомыми, охотнѣе ходила гулять и проч. Объ этомъ не стоило-бы упоминать, но не слѣдуетъ забывать, что по отношенію къ такого рода больнымъ не можетъ быть рѣчи объ излѣченіи, и самое большее, чего можно желать, это—пріучить ихъ къ извѣстному режиму, къ болѣе или менѣе правильному образу жизни, чтобы они не были въ тягость себѣ и другимъ. Для этого требуется систематическое развитіе соответствующихъ привычекъ, что въ большинствѣ случаевъ можетъ быть достигнуто только въ хорошо организованныхъ больницахъ и пріютахъ для душевнобольныхъ и нерѣдко требуетъ большого труда, который къ тому-же часто можетъ дать результатъ очень малый. Поэтому прибѣгнуть къ гипнотизированію съ цѣлью увеличить ничтожную подчиняемость подобныхъ лицъ можетъ быть иногда не бесполезно.

XVI.—28 сент. Юноша 19 лѣтъ. Когда онъ готовился къ экзамену на бакалавра, онъ просилъ усыпить себя, чтобы пріобрѣсти болѣе усидчивости и отвлечься отъ очень рѣзко выраженнаго желанія заниматься другими вещами, а не своими обязанностями, и, наконецъ, чтобы пріобрѣсти болѣе охоты къ занятіямъ нужными предметами. Несмотря на многочисленные сеансы внушенія въ состояніи легкаго и глубокаго сна, Льебо не получилъ никакого результата.

XVII.—11 нояб. Лицейскій, 16 лѣтъ, одинъ изъ хорошихъ учениковъ. Онъ желалъ имѣть силу посвятить еще болѣе времени своимъ занятіямъ, чѣмъ обыкновенно, и пріобрѣсти, безъ утомленія, болѣе продолжительное и болѣе сильное напряженіе умственныхъ способностей. Усыпляемый легкимъ сномъ по одному разу въ двѣ недѣли, онъ могъ работать больше и его работа давала болѣе результата, но, какъ только гипнотизированіе было прекращено, онъ пришелъ въ прежнее состояніе (Льебо).

Нѣкоторыя замѣчанія, относящіяся къ этому и подобнымъ случаямъ, будутъ помѣщены ниже.

XVIII.—8 дек. Дѣвочка 12 лѣтъ. Подвержена наследственному специфическому страданію. Тупа, плохая память, лѣнива, непослушна и лжива. Кромѣ того всегда опаздываетъ въ школу. Послѣ нѣсколькихъ сеансовъ внушенія въ состояніи сомнамбулизма дѣвочка не лгала больше, стала прилежна и послушна. Однако она продолжала опаздывать въ школу и память ея осталась безъ переменъ.

XIX.—25 марта 1887. Мальчикъ 14 лѣтъ. Пользуется хорошимъ здоровьемъ. Около года онъ сталъ очень боязливъ. Какъ только темнѣетъ, онъ не рѣшается даже со свѣчей пройти въ сосѣдную комнату. Два сеанса сомнамбулизма съ внушеніемъ освободили ребенка отъ этого чувства страха и съ того времени онъ рѣшается даже опускаться въ погребъ въ совершенной темнотѣ. Возврата не было.

XX.—7 іюля. Мальчикъ 3 лѣтъ. Съ нѣкотораго времени было замѣчено, что ребенокъ предается онанизму. Онъ не

игралъ болѣе попрежнему, сталъ невнимателенъ и принялъ разсѣянный видъ. Три сеанса легкаго сна съ внушеніями заставили его оставить свою привычку, которая въ сентябрѣ 1888 возвратилась вновь. На этотъ разъ онъ сдѣлался еще болѣе тупъ, чѣмъ прежде; но три недѣли сеансовъ, аналогичныхъ первымъ, произвели вполнѣ хорошее дѣйствіе.

XXI.—12 окт. Мальчикъ 14 лѣтъ. Прекрасное здоровье. Очень рѣзкая деформация лобной части черепа, происшедшая отъ наложенія шипцовъ во время родовъ. Дурныя способности, рѣшительное нежеланіе работать, причемъ онъ всѣмъ объ этомъ рассказываетъ и хвастается этимъ. Усвоиваетъ дурныя привычки, наприм., безпрестанно двигать вѣсками, сильно сопѣть, свистать въ обществѣ и на улицѣ, не слушая никакихъ замѣчаній. Онъ былъ усыпленъ легкимъ сномъ отъ 12 окт. до 6 ноября. Въ результатѣ послѣдовало улучшеніе во всѣхъ отношеніяхъ и, когда усыпленіе прекратилось, почти не было поводовъ для недовольства мальчикомъ. Затѣмъ онъ потерянь изъ виду.

XXII.—14 окт. Мальчикъ 7 лѣтъ. Мастурбируетъ съ 4 лѣтъ. Лживъ, лѣнивъ, ничего не слушается ни въ классѣ, ни дома. Память, бывшая очень хорошей, уменьшилась. Послѣ 5 усыпленій до состоянія сомнамбулизма внушеніе улучшило его состояніе. Не былъ болѣе приведенъ въ клинику. Льебо говоритъ, что имѣетъ основаніе предполагать, что послѣдовало улучшеніе.

XXIII.—12 окт. Мальчикъ 9 лѣтъ. 6 лѣтъ приученъ старухой къ онанизму. Съ того времени съ жаромъ предавался мастурбации. Врачи никакъ не могли отучить его отъ этого. Наконецъ пробовали его гипнотизировать, но безуспѣшно. Льебо посоветовалъ употреблять косвенныя внушенія въ состояніи бодрствованія, вслѣдствіе чего мальчикъ, злой и непослушный до того времени, сталъ мягкимъ и послушнымъ послѣ нѣсколькихъ сеансовъ. Лѣченіе продолжалось

во время напечатанія этого случая и дальнѣйшій исходъ неизвѣстенъ (Льебо) *).

Сюда слѣдуетъ добавить еще слѣдующія краткія замѣчанія Вуазена, помѣщенные имъ въ докладѣ о примѣненіи гипнотизма у душевно-больныхъ, который былъ имъ представленъ на Парижскій съѣздъ:

„Я могъ совершенно измѣнить привычки мыслить и дѣйствовать у дѣтей и у нѣкоторыхъ юношей; я заставлялъ ихъ любить добро, тогда какъ они любили только зло. Я доводилъ ихъ до того, что они презирали пороки, которымъ предавались; я уничтожалъ у нихъ привычки ко лжи, къ воровству, къ распущенности, и проч.

„Слѣдующее письмо одного профессора университета, который, послѣ напрасныхъ увѣщаній, довѣрилъ моему лѣченію одного порочнаго молодого человѣка, покажетъ размѣры вліянія гипнотизма:

„Господинъ докторъ. Я снова видѣлъ того молодого человѣка, о которомъ мы уже говорили, и мое первое впечатлѣніе подтвердилось. До лѣченія его преобладающей чертой былъ абсолютный недостатокъ характера и воли: безъ сомнѣнія онъ различалъ добро и зло, но, будучи не въ состояніи найти въ себѣ опоры для оцѣнки вліяній, которымъ онъ подвергался, онъ предавался вліянію обстоятельствъ и былъ рабомъ всякаго рода искушеній и беспорядочныхъ желаній.

„Теперь превращеніе мнѣ кажется полнымъ, онъ хочетъ добра и стремится дѣлать добро. Онъ съ ужасомъ говоритъ о своей прошлой жизни, говоритъ, что это былъ сонъ, что это былъ не онъ, что теперь онъ спасенъ и болѣе себя не погубить. Даже болѣе, онъ разсуждаетъ о новомъ существованіи, которое начинается для него, находитъ его

---

*) О послѣднемъ случаѣ вообще извѣстно очень мало, такъ какъ, по словамъ Льебо, онъ принадлежитъ не ему собственно, а одному варшавскому врачу, который обращался только по этому поводу къ Льебо за совѣтомъ.

приятнымъ и желательнымъ, говорить о немъ съ радостью и примиряется съ нимъ отъ всего сердца. И не думайте, господинъ докторъ, что онъ ограничивается разсужденіями и разговорами, повторяя какъ попугай урокъ, который его заставили выучить; онъ переводить свои идеи въ опредѣленные рѣшенія, онъ ищетъ способовъ нравиться и быть полезнымъ: удовольствія, говорилъ онъ, прелесть которыхъ только и имѣла для него значеніе, стали для него безразличны. Ему достаточно знать, что онъ поступаетъ хорошо. Искушенія болѣе не волнуютъ его, идеи серьезнаго и добраго стали постоянными и прочными и онъ только и живетъ этими желаніями и усиліями. Онъ полонъ признательности въ настоящее время. Прежде, говорилъ онъ, я думалъ, что все существуетъ для меня и не чувствовалъ признательности за благодѣянія; теперь я высоко цѣню то, что для меня сдѣлано, и употреблю всѣ усилія, чтобы отблагодарить за это“ *).

На международномъ конгрессѣ по гипнотизму въ 1889 году въ Парижѣ вопросъ о примѣненіи гипнотизма при воспитаніи вновь былъ возбужденъ, но при спѣшности занятій съѣзда не могло быть сколько-нибудь обстоятельнаго его обсужденія и съѣздъ ограничился принятіемъ слѣдующихъ положеній, формулированныхъ Берильономъ:

1. Внушеніе, рассматриваемое съ педагогической точки зрѣнія, представляетъ превосходное вспомогательное средство при воспитаніи порочныхъ и дегенерированныхъ дѣтей.

2. Примѣненіе внушенія должно имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ педагоги признаютъ свое полное безсиліе. Оно показано главнымъ образомъ для дѣйствія противъ порочныхъ инстинктовъ, привычки ко лжи, жестокости, воровства, застарѣлой лѣности, нечистоплотности, непослушанія и трусости.

---

*) A. Voisin. Les indications de l'hypnotisme et de la suggestion etc. Premier Congrès international de l'hypnotisme. Comptes-rendus. Paris. 1890, p. 152.

3. Только врачъ можетъ быть судьей пригодности примѣненія внушенія противъ всѣхъ этихъ явленій, которыя часто зависятъ отъ настоящаго патологическаго состоянія, чаще всего наслѣдственнаго, и мы не совѣтуемъ примѣнять внушеніе ни въ одномъ случаѣ, гдѣ ребенокъ можетъ быть исправленъ обычными приѣмами воспитанія.

По постановленію съѣзда, эти заключенія переданы министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ.

Таковы случаи, описанные до сихъ поръ. Описанія сдѣланы чрезвычайно поверхностно и многія рѣшительно не годятся для выводовъ, но и тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ отмѣченъ стойкій положительный результатъ, достаточно, чтобы, не считая вопросъ совершенно выясненнымъ, до известной степени ориентироваться и сдѣлать нѣкоторыя основныя заключенія.

Въ изложеніе случаевъ примѣненія гипнотизма у дѣтей, какъ могъ замѣтить читатель, попали случаи прямого лѣченія болѣзненныхъ припадковъ, случаи устраненія дурныхъ привычекъ, случаи измѣненія наклонностей и попытки развитія нѣкоторыхъ способностей. Конечно, не всѣ эти случаи имѣютъ отношеніе къ педагогіи. Но въ то-же время тамъ, гдѣ дѣло не идетъ прямо о симптомахъ болѣзни, не всегда можно исключить изъ области педагогіи борьбу съ дурными привычками, наклонностями и свойствами, хотя-бы они зависѣли отъ недостатковъ организаціи, потому что во многихъ случаяхъ то-же обнаруживается въ прямой зависимости отъ недостатковъ воспитанія. Поэтому мы будемъ пользоваться существующимъ матеріаломъ, не дѣлая предварительно строгой классификаціи случаевъ, тѣмъ болѣе, что заключенія могутъ быть только общими.

Съ помощью гипнотизма, слѣдовательно, удавалось не только прекратить ночное недержаніе мочи, ночные испуги, неудержимый онанизмъ, но уничтожать и порочныя

инстинкты, привычку ко лжи, стремление къ воровству, непослушаніе.

Имѣетъ-ли это значеніе для педагогіи? Конечно. Подъ педагогіей никакъ нельзя разумѣть только школьное воспитаніе дѣтей, какъ это дѣлаетъ, наприм., одинъ анонимный нѣмецкій педагогъ *), противникъ примѣненія гипнотизма при воспитаніи, который, признавая, что нѣкоторыя дурно организованныя дѣти, не поддающіяся обычнымъ педагогическимъ мѣрамъ, могутъ подчиниться вліянію внушенія, тѣмъ не менѣе всячески стремится доказать непримѣнимость гипнотизма для педагогическихъ цѣлей, утверждая, что такимъ дѣтямъ скорѣе мѣсто въ госпиталѣ, чѣмъ въ школѣ. Отношеніе этого педагога къ вліянію наслѣдственности и вырожденія крайне своеобразно и, присоединяясь ко взгляду Руссо, который сказалъ: „все хорошо, что выходитъ изъ рукъ Творца, все обезображивается въ рукахъ чело-вѣка“,—онъ полагаетъ, что всѣ недостатки дѣтей происходятъ отъ дурного воспитанія. Мы не будемъ входить въ разсужденія по этому поводу, такъ какъ несомнѣнно, что кромѣ воспитанія существуетъ еще организація, которая и образуетъ основной матеріалъ для обработки.

Какъ-бы ни происходили недостатки дѣтей, они существуютъ, и очень нерѣдко. Многіе изъ нихъ исправляются путемъ педагогическихъ мѣръ, но остаются и такіе случаи, гдѣ эти мѣры оказываются безсильными. Тогда ребенка удаляютъ изъ школы и едва-ли можно поступить иначе. Но при этомъ важно, что не всегда удаляются дѣти отсталыя въ интеллектуальномъ развитіи. Иногда необходимо удалить и ребенка способнаго, но обладающаго порочными наклонностями, испорченнаго нравственно, съ дурными привычками, дурными свойствами характера. Но дальнѣйшія забо-

---

*) Der Hypnotismus in der Pädagogik. Von einem Schulmanne. Berlin, 1888. Mit einem Vorwort von I. Sallis. Эта статья анонимнаго автора заслуживаетъ вниманія только потому, что д-ръ Саллисъ въ своемъ предисловіи вполне присоединяется къ изложеннымъ въ ней соображеніямъ.

ты о такомъ удаленномъ изъ школы ребенкѣ нисколько не выходятъ изъ предѣловъ педагогіи, такъ какъ всякое воздѣйствіе на ребенка въ смыслѣ его исправленія и развитія лежитъ именно въ этихъ предѣлахъ. Устранить тѣ недостатки, которые оказались неустранимыми при помощи обычныхъ педагогическихъ мѣръ, значитъ придти на помощь педагогіи: врачъ и педагогъ, въ виду единства цѣли, сливаются въ данный моментъ воедино.

Въ виду отрицательнаго отношенія нѣкоторыхъ къ примѣненію гипнотизма для исправленія дѣтей, Берильонъ предлагаетъ примѣнять его тамъ, гдѣ педагоги признали свое полное безсиліе. Съ этимъ нужно согласиться, особенно до тѣхъ поръ, пока вліяніе внушенія въ смыслѣ воспитанія только изучается и окончательные выводы еще не сдѣланы.

Но и въ такихъ случаяхъ было-бы не вполне правильно примѣнять внушеніе совершенно въ тѣхъ-же цѣляхъ, какъ примѣняются педагогическія мѣры.

Мы видѣли, что внушеніе примѣнялось:

1. Для устраненія болѣзненныхъ припадковъ, какъ наприм. нервныхъ подергиваній, ночныхъ испуговъ или неправильныхъ функций, соединенныхъ съ дурными привычками, какъ заиканіе, онанизмъ. Здѣсь роль внушенія оставалась отрицательной: отъ ребенка требовалось не повторять того, что онъ дѣлалъ раньше, сознательно или безсознательно, — и только. Положительное воздѣйствіе заключается при этомъ только во вліяніи на нервную систему въ смыслѣ пониженія возбудимости по отношенію къ внѣшнимъ раздраженіямъ и, слѣдовательно, въ ослабленіи рефлекторной раздражительности, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ направленіи.

2. Для уничтоженія дурныхъ наклонностей и свойствъ характера, какъ, наприм., порочныхъ наклонностей, привычекъ ко лжи, наклонности къ воровству, жестокости. И здѣсь отрицательный характеръ внушенія сохраняется. Дѣятельность ребенка опять ограничивается въ извѣстномъ направленіи и положительная сторона обнаруживается только

въ большей сдержанности ребенка, въ большемъ самообладаніи, въ смыслѣ способности не дѣлать того, что онъ дѣлалъ раньше; это въ нѣкоторомъ отношеніи укрѣпленіе воли ребенка, если такое выраженіе можетъ быть болѣе понятнымъ.

3. Наконецъ внушеніе примѣнялось съ цѣлью усиленія энергіи психической дѣятельности вообще, въ смыслѣ прекращенія лѣности, увеличенія воспріимчивости, возбужденія всѣхъ духовныхъ силъ. Внушеніе побуждало дѣтей или взрослыхъ быть прилежными, хорошо учиться, т.-е. ясно воспринимать и хорошо помнить то, что имъ преподавалось. Здѣсь является уже увеличеніе какъ интенсивности, такъ и экстенсивности психической дѣятельности.

До настоящаго времени только Бернгеймъ, Льебо и Берильонъ сдѣлали подобныя попытки. Пока никто за ними не послѣдовалъ, хотя никто изъ свѣдущихъ лицъ и не удерживалъ ихъ. Причина этого понятна. Подобными попытками, пока единичными, мало замѣтными, затрогивается чрезвычайно важный вопросъ развитія психической дѣятельности ребенка и психической жизни человѣка вообще. По отношенію къ здоровымъ и неиспорченнымъ дѣтямъ только этотъ вопросъ и имѣетъ значеніе для педагогіи и является вопросомъ важнѣйшимъ. Требуется внимательность въ его обсужденіи,—между тѣмъ данныхъ для обсужденія нѣтъ. Отрицать возможность усиленія энергіи психической дѣятельности,—не на время только, возможность чего доказана опытами, но и навсегда,—пока нѣтъ основаній. Утверждать, что такое усиленіе возможно, безъ нарушенія общей гармоніи душевной жизни, безъ преждевременной растраты силъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ напряженіе превыситъ количество силъ, также пока нѣтъ основанія.

Органическія свойства ребенка, общая сумма его силъ, основной характеръ его индивидуальности выступаютъ здѣсь на первый планъ. На основаніи множества фактическихъ данныхъ, относящихся къ другимъ областямъ знанія, на основаніи антропологическихъ и медицинскихъ соображеній,

можно утверждать, что во множествѣ случаевъ внушеніе останется здѣсь бесполезнымъ. Но нельзя сказать, что оно будетъ бесполезнымъ всегда.

Не будетъ-ли оно вреднымъ? Опять нельзя дать отвѣта. Мнѣ рассказывали, что въ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ одна молодая дѣвушка обратилась къ странствующему гипнотизеру, про котораго, по обыкновению, рассказывали чудеса, съ просьбою внушить ей любовь къ скульптурѣ и развить въ ней соотвѣтствующія способности. Гипнотизеръ нисколько не смутился такой просьбой, исполнить которую, вѣроятно, считалъ вполне въ своей власти, и сдѣлалъ соотвѣтствующія внушенія, конечно, на неопределенное время. Затѣмъ онъ поѣхалъ дальше. Дѣвушка осталась съ какимъ-то смутнымъ, но сильнымъ побужденіемъ лѣпить прекрасныя статуи, безъ всякой возможности выполнить свое желаніе. Она взяла глину и стала лѣпить. Вышло плохо и она осталась недовольна. Если такая работа не удовлетворяла ее до внушенія, то послѣ внушенія, когда стремленіе создать прекрасное стало сильнымъ и бессознательнымъ, конечно никакая статуя, вышедшая изъ-подъ ея рукъ, уже не могла удовлетворить ее. Образовалось тягостное чувство невозможности удовлетворить своему стремленію. Это оказало свое дѣйствіе на характеръ, она стала уединяться, выражать неудовлетворенность окружающимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ гипнотизеру у нея образовалось враждебное чувство. Съ нимъ, съ его внушеніемъ связывалось это тягостное стремленіе къ совершенствованію. Время отъ времени она принималась за лѣпку, комкала кое-какъ глину и бросала работу, сдѣлавъ какую-нибудь уродливую фигурку. Постепенно, впрочемъ, она отдѣлывалась отъ навязчивой идеи и, можно предполагать съ увѣренностью, освободилась наконецъ отъ нея совершенно.

Подобными внушеніями, конечно, можно сдѣлать вредъ, и для человѣка свѣдущаго тутъ нѣтъ никакого вопроса. Этотъ примѣръ вреда, происшедшаго отъ неосторож-

ности, служить только для того, чтобы показать, что не здѣсь лежитъ вопросъ. Вопросъ въ томъ, можетъ-ли быть равномерно усилена психическая дѣятельность, хотя и въ небольшихъ предѣлахъ; затѣмъ, можно-ли считать это усиленіе совершенно безвреднымъ по отношенію къ дальнѣйшему развитію и слѣдовательно практиковать его у дѣтей вполнѣ здоровыхъ. Такіе вопросы остаются пока открытыми и для рѣшенія ихъ требуются дальнѣйшіе опыты. Конечно, эти опыты не должны причинять вреда. Это понятно каждому и для серіознаго экспериментатора съ надлежащею опытностью достигнуть этого вполнѣ возможно. Такимъ только образомъ вопросъ вполнѣ выяснится и получитъ свое разрѣшеніе. Мы остановились на немъ именно потому, что онъ не рѣшенъ, чтобы еще разъ напомнить объ осторожности, которая требуется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ при примѣненіи гипнотизма для развитія и усовершенствованія душевной дѣятости.

Но изъ того, что нѣкоторые вопросы остаются невыясненными, никакъ не слѣдуетъ, что гипнотизмомъ слѣдуетъ пренебрегать. Нельзя ожидать невѣроятнаго, но нельзя въ то-же время не признать, что гипнотизмъ можетъ оказать педагогическія нѣкоторыя серіозныя услуги, которыя если будутъ имѣть значеніе и для небольшого числа дѣтей, тѣмъ не менѣе останутся положительными.

Я совершенно не упоминалъ о внушеніяхъ въ состояніи бодрствованія, которымъ Бернгеймъ и Берильонъ придаютъ такое большое значеніе. Внушенія эти состоятъ въ томъ, что гипнотизеръ, не приводя субъекта въ гипнотическое состояніе, прямо дѣлаетъ ему нужныя внушенія тономъ убѣжденія или приказанія, смотря по обстоятельствамъ.

Изъ взрослыхъ оказываются воспримчивыми къ такого рода внушеніямъ только немногія, обыкновенно легко поддающіяся гипнотическому вліянію лица, но дѣти подчиняются имъ чрезвычайно легко. По отношенію къ дѣтямъ Берильонъ рекомендуетъ поступать слѣдующимъ образомъ: поло-

жить ребенку на голову руку и затѣмъ спокойно, даже тихо, но съ твердостью и увѣренностью повторить нѣсколько разъ желаемыя наставленія.

Такой способъ дѣйствія конечно не можетъ возбудить никакихъ опасеній и можетъ практиковаться вездѣ, гдѣ это желательно. Но это уже не гипнотизмъ. Правда, здѣсь есть какъ-бы попытка вызвать гипнотическое состояніе наложеніемъ руки на голову, но попытка прекращенія въ самомъ началѣ, такъ какъ непосредственно за наложеніемъ руки слѣдуетъ внушеніе, продолжающееся не больше одной-двухъ минутъ и по окончаніи котораго рука снимается и ничего болѣе не дѣлается. Не будемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе того, какое отношеніе имѣютъ подобныя внушенія къ гипнотизму.

Какъ справедливо замѣтилъ анонимный педагогъ, о которомъ я уже упоминалъ, педагоги дѣлаютъ то-же самое, только безъ наложенія руки на голову. Ребенка такъ-же приводятъ въ кабинетъ, тономъ той-же спокойной увѣренности дѣлаютъ ему замѣчанія, такъ-же неоднократно повторяютъ наставленія. Зачѣмъ-же вести для этого ребенка къ врачу? — спрашиваетъ онъ совершенно основательно.

Въ сущности, всѣ педагогическія мѣры, наставленія, примѣры, указанія суть не что иное какъ внушенія въ состояніи бодрствованія. Но это уже педагогія, и гипнотизмъ не играетъ тутъ никакой роли.

По отношенію къ такого рода внушеніямъ необходимо отмѣтить только, что они сохраняютъ вполнѣ характеръ гипнотическихъ внушеній, которыя можно разсматривать какъ типъ, съ большою ясностью обнаруживающій основныя черты явленія, — и дѣйствуютъ такъ-же, какъ и послѣднія, на бессознательную сферу ребенка. Поэтому они требуютъ той-же внимательности, какъ и внушенія гипнотическія: они такъ-же должны быть строго-точны, послѣдовательны, никогда не должны противорѣчить одно другому; наконецъ, моментъ ихъ примѣненія долженъ быть выбранъ правильно.

Затѣмъ, для вполнѣ правильнаго дѣйствія внушенія, особенно сдѣланнаго въ состоянїи бодрствованія, существенно необходимо, чтобы оно было поддержано окружающими, вліяніе которыхъ, сознательно или безсознательно, можетъ какъ усиливать внушеніе, находясь съ нимъ въ гармонїи, такъ и препятствовать его дѣйствію.

Правда, врачъ иногда оказывается въ положенїи болѣе выгодномъ, чѣмъ педагогъ. Когда обращаются за помощью къ врачу, то обыкновенно, иногда совершенно невольно, ожидаютъ улучшенія и желаютъ ему успѣха. Все, чего достигнетъ врачъ, обыкновенно не только не превосходитъ ожиданій, но оказывается меньше того, чего хотѣлось-бы достигнуть. Такимъ образомъ, желанія окружающихъ вполнѣ совпадаютъ съ желаніями врача, что даетъ общую гармонію совмѣстныхъ внушеній. Но бываетъ и наоборотъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ къ врачу идутъ не за помощью, а затѣмъ,—чтобы провѣрять его лѣченіе. Здѣсь встрѣчается такое множество разнородныхъ душевныхъ движеній, что внушеніе, сдѣланное въ состоянїи бодрствованія, можетъ быть совершенно уничтожено.

И, конечно, если педагогъ своими внушеніями и наставленіями достигаетъ успѣха, нѣтъ никакой надобности вести ребенка куда-бы то ни было, какъ-бы онъ ни былъ испорченъ. Если-же, несмотря на всѣ достоинства педагога и его системы, ребенокъ все-таки не въ силахъ покинуть своихъ привычекъ, можетъ быть органически обусловленныхъ, и усилія для его исправленія остаются безплодными, тогда, на мой взглядъ, правильнѣе обратиться къ гипнотизму..

Что-же касается того, какъ его примѣнять,—какой моментъ избрать для внушенія,—усыплять ребенка или только класть ему руку на голову,—сужденіе объ этомъ слѣдуетъ предоставить врачу.

Нѣтъ никакой надобности маскировать гипнотизированіе, или уподоблять его обычнымъ педагогическимъ приѣмамъ, какъ это желаетъ, повидимому, сдѣлать Берильонъ. Надо

примѣнять его тамъ, гдѣ это нужно, такъ-же, какъ оно примѣняется въ терапіи, пользуясь, при случаѣ, и внушеніями въ состояніи бодрствованія; но придавать этимъ внушеніямъ въ состояніи бодрствованія особенное значеніе нѣтъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что они значительною своею частью уже выходятъ изъ области гипнотическихъ явленій, между тѣмъ какъ вопросъ заключается именно въ томъ, какую пользу можно извлечь изъ гипнотизма для дѣтей, неисправимыхъ помощью обычныхъ педагогическихъ мѣръ.

А. Токарскій.
